

и обчелся; **Один к одному**; **Опять двадцать пять**; **Считать до трех**; **С пятого на десятое**; **Сорок два с кисточкой**; **Семеро по лавкам**; **Третий лишний**.

В составе русских пословиц и поговорок среди количественных числительных лидирует субстантивированное числительное *один*, среди порядковых числительных – *третий*, среди собирательных – *семеро*. Как видно из примеров, некоторые из субстантивированных числительных (1, 2, 7, 10, 40, 1000) проявляют большую активность в образовании пословиц, поговорок и фразеологизмов, другие, напротив, пассивны. Широкое употребление чисел во фразеологических единицах связано с их сакрализованностью в мировоззрении древних народов. В большинстве своем частотные числительные стали частотными субстантивами.

Примеры стилистической актуализации субстантивированных числительных встречаются в заглавиях произведений: «Баллада о двадцати шести» (С. Есенин); «*Двадцать шесть*» (Н. Асеев); «*Двадцать шесть и одна*» (М. Горький); «*Двенадцать*» (А. Блок); «*Приваловские миллионы*» (Д. Мамин-Сибиряк); «*Трое*» (М. Горький); в названиях кинофильмов: «*В августе сорок четвёртого*», «*В двадцать шестого не стрелять*», «*Двадцать одно*», «*Двое в городе*», «*Двое в пути*», «*Двое: я и моя тень*», «*Миллион в брачной корзине*», «*Один в поле воин*», «*Один дома*», «*Одинокда один*», «*Пятница, тринадцатое*», «*Семеро смелых*», «*Семь*», «*Сердца трёх*», «*Сорок первый*», «*Трое вышли из леса*»; «*Трое в лодке, не считая собаки*», «*Третий лишний*», «*Третьего не дано*», «*Три плюс два*», «*Тридцатого уничтожить!*», «*Тридцать три*», «*Троих надо убрать*», «*Холодное лето пятьдесят третьего*», «*Четвёртый*»; в названиях телепередач: «*Одна за всех*», «*Сто к одному*».

Функционирование субстантивированных числительных в разных стилях речи, фразеологических единицах, пословицах, поговорках, а также в названиях художественных произведений, кинофильмов является свидетельством активного внедрения данных образований в речевую практику.

Литература

1. Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове: Русский язык. М. : Высш. шк., 1972. 614 с.
2. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 452 с.

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.

4. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

Functional characteristics of substantivized numerals in the Russian language

There are shown the basic styles of substantivized numerals functioning in the Russian language. On the basis of the analysis of the actual material there is proved that the numerals that acquired the subject meaning and became nouns are used in different language styles and are widely used in speech. All the arguments are supported by illustrations.

Key words: *substantivization, numeral, ellipsis, usual substantivization, occasional substantivization, speech styles.*

Г.С. ДУРКИНА
(Волгоград)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУССКОГО СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

*Выявлены текстообразующие логико-семантические связи русского современного художественного текста на примере романа Л. Улицкой «*Медея и ее дети*» и романа В. Пелевина «*Жизнь насекомых*». Автор придерживается мнения Л.Г. Бабенко, которая предлагает выделить контактные и дистантные, полные и частичные текстообразующие логико-семантические связи. Основной текстообразующей связью в анализируемых романах является тематический повтор, с помощью которого слова, относящиеся к одной тематической группе, образуют единую функционально-текстовую парадигму слов.*

Ключевые слова: *связность текста, текстообразующие логико-семантические связи, тематический повтор, когерентность, подтекст.*

С конца XX в. текст является объектом пристального внимания лингвистов [5; 2; 4; 3; 6; 10]. Лингвистика текста заняла прочные

позиции в кругу лингвистических дисциплин. Как всякий относительно новый объект исследования, текст до сих пор по-разному понимается и определяется современной лингвистикой. Многосторонность понятия «текст» обязывает исследователя выделить в нем то, что является ведущим, вскрывающим его онтологические и функциональные признаки.

Мы придерживаемся мнения И. Р. Гальперина, который дает следующее определение текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18 – 19]. Важной для художественного текста является категория связности, или когезия. Под когезией И. Р. Гальперин понимает особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или временную), взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий и пр., т. е. смысловые и формальные средства связи (Там же, с. 74). Исследователь различает когерентность как семантическую связность и когезию как выражение семантической связности формальными средствами (Там же, с. 71 – 74).

Связность – категория лингвистики текста. Она определяется по любым двум или нескольким последовательным предложениям (обычно это 3 – 5, но не больше 7 предложений). В количественной характеристике связности отражается тот факт, что реципиент текста использует признаки связности как сигналы объединения соответствующих предложений в семантическое целое (в графике текста часто соответствующее абзацу). Иными словами, предложения, характеризующиеся признаками связности, воспринимаются реципиентом как единство. Связность – это формально-семантическая организация элементов в структуре текста. Эта текстовая категория относится к явлениям синтагматической природы. Изучение связности обычно ориентировано на материалы больших, развернутых текстов, где имеются в изобилии специальные средства связности разного рода (от флексий, предлогов, союзов до анафорических средств соединения крупных блоков в развернутых текстах).

Л. Г. Бабенко предлагает выделять текстообразующие логико-семантические связи, разновидности которых построены на повторе информации, осуществляемом на разных участках текстового пространства, в различном объеме и различными лексическими средствами. Вследствие этого они могут быть контактными и дистантными, полными и частичными [1, с. 182 – 185]. *Полный тождественный повтор* – наиболее простой и наиболее давний механизм связи, который осуществляется повторением одинаковых словоформ, имеющих один корень. *Тематический повтор* – проявление закона семантического согласования слов в тексте, основного закона синтагматики текста. Суть его заключается в том, что сочетаемые слова должны соответствовать друг другу, иметь (реально или потенциально) общие семы. Слова, относящиеся к одной тематической группе, сближаются в тексте, образуя единую функционально-текстовую парадигму слов, выполняющих общую текстовую функцию. Обычно подобные текстовые тематические группировки слов связаны с семантическим развертыванием концептуальной содержания текста в целом или микротемы в составе сложного синтаксического целого. *Синонимический повтор* активно используется в тексте как средство создания и межфразовых связей, и разнообразия номинаций однотипных ситуаций, явлений, предметов, и экспрессивности текста.

Так, один из абзацев рассказа «Цю-юрихь» Л. Улицкой содержит цепочку предикатов, изображающих процесс говорения, речи Лидии и швейцарца: *разговор потек – сообщила – рассказала* [8, с. 315]. Для выявления текстообразующих логико-семантических связей нами проанализированы два современных русских художественных текста – роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» и роман В. Пелевина «Жизнь насекомых».

Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» – это роман «не только о семейных, но и о глубинных человеческих связях, о людских “совпадениях”, которые приходят свыше и навеки скрепляют отношения» [9, с. 168]. То же можно сказать и о синтагматических отношениях в данном произведении: здесь имеются предложения-«скрепы», которые соединяют главы романа в единое целое. Из 5-й главы произведения мы узнаем, что Медея и приехавшие к ней родственники идут на море. На привале Медея нашла что-то «*между корнями можжевельного куста и позвала Нику. На ла-*

дони у нее лежало потемневшее кольцо с небольшим розовым кораллом.

– Находка? – восхищалась Ника.

Все знали о необыкновенном Медеином даровании. Медея покачала головой:

– Как сказать?.. Скорее, потеря. Твоя мать потеряла это кольцо. Думала, смыло море. Оказалось, здесь...

Она вложила в руку Ники простенькое колечко и подумала: «Неужели болит? Кажется, все еще болит...»

– Когда? – коротко спросила Ника. Она догадалась, что касается края запретной темы, давней ссоры сестер.

– Летом сорок шестого, – быстро ответила Медея» [8, с. 59 – 60].

Далее читаем: «Кольцо, найденное Медеей в бухтах, действительно принадлежало когда-то Александре. В памяти Медеи лето сорок шестого года осталось временем их самой полной сестринской близости... Потеря кольца была незначительной во всех смыслах. Сандра легко теряла, вещи к ней не приставали, и она к ним не привязывалась. Но у Медеи находка этого потерянного тридцать лет назад кольца не выходила из головы. Может быть, потому, что она знала: кроме обычных причинно-следственных связей, между событиями существуют иные, которые связывают их иногда явно, иногда тайно, иногда и вообще непостижимо.

“Ладно, надо будет мне знать, так объяснят”, – с полным доверием к тому, кому ведомо все, подумала Медея и успокоилась» [8, с. 69 – 70].

И не зря из Медеиной головы не выходила находка потерянного кольца. Она узнает семейную тайну. В годовщину смерти мужа Медея разбирает вещи мужа и решает переложить справки, бумаги из его полевой сумки в сундучок. Неожиданно для себя она находит письмо, адресованное Самоне, Медеиному мужу. Это письмо написала Сандрочка, Александра, ее сестра. Из него Медея узнает о связи мужа с Александрой, о том, что дочь сестры Ника на самом деле его дочь: «*Медея читала письмо стоя, очень медленно, прочла дважды. Да, да. Они часто ходили в бухты в то лето, Александра и Самуил. И колечко свое девичье она потеряла в то лето*» (Там же, с. 153).

Чуть выше, в этой же главе мы читаем: «...Сандра с детства вела себя так, как хотела ее левая нога, и Медея никогда не могла понять этого непостижимого для нее закона левой ноги, закона прихоти, сиюминутного желания, каприза или страсти.

Вторая семейная тайна была связана именно с этой Сандрочкиной особенностью и до поры была скрыта от самой Медеи на нижней полке однодверного платяного шкафа, в офицерской полевой сумке Самуила Яковлевича» [8, с. 14].

Л. Улицкая, наверное, намеренно не рассказывает читателю об отношениях мужа Медеи и ее сестры в одной главе. Это было бы не так захватывающе интересно. Начав повествование в 5-й главе и закончив в 11-й, писательница держит читателей в интеллектуальном напряжении. Медея не зря размышляет о причинно-следственных связях, которые порой непостижимы. В проанализированном нами эпизоде именно лексема *кольцо* соединяет в одно целое жизни Медеи, Самуила и Александры. Проанализированные нами отрывки объединены механизмом полного тождественного повтора.

Л. Улицкая уделяет в романе особое внимание и неким знакам *породы*, которая проявляется во внешнем облике потомков семьи Синопли: рыжие волосы и укороченный мизинец. Не зря Медея, приехав в гости к брату Федору, замечает: «*тихий белообрый приемный Шурик был, как ни странно, по всем приметам свой, синоплинский: хотя его пушистые, легкие волосы не имели ни малейшего оттенка семейной ржавчины, густо-рыжие веснушки усыпали его узкое, белокожее лицо, а главное – это Медея не сразу заметила, а заметив, изумилась, – мизинец был короткий, едва доставал до конца первой фаланги безымянного*» [8, с. 168]. Ее наблюдения подтверждает брат Федор: «...*Как тебе мой младший? Узнала нашу кровь?*»

Спросил по-гречески, и эта самая их общая кровь, разведенная в мальчишке с чьей-то чуждой, ударила Медею в лицо, и она еще ниже склонила голову:

– *Узнала. И палец...*» (Там же, с. 172).

Так семы ‘знакомство’, ‘помощь’, ‘родной’, ‘порода’, ‘память’, ‘связь’ не только обеспечивают семантическую связность – *когерентность*, но и играют одновременно и роль *подтекста* – пунктирного, дистантного повтора, несущего идею текста [10, с. 93]. Кроме того, данные отрывки текста объединены тематическим повтором.

Другой современный текст – это роман В. Пелевина «Жизнь насекомых». Необычность этого произведения заключается в том, что главными героями его являются насекомые, но их поступки, отношения между собой,

их мысли, разговоры показаны как человеческие. Они так же, как и люди, добывают себе пищу, рассуждают о различных проблемах, строят планы. Своеобразие композиции этого произведения проявляется в том, как именно описывает В. Пелевин жизнь животных: автор не рассказывает сначала об одном насекомом, затем о другом и т. д. Он переплетает главы таким образом, что сразу и не понятно, о ком идет речь. Для того чтобы соединить истории в целое произведение, писатель использует предложения-«скрепы». Проанализируем текстообразующие логико-семантические связи данного художественного текста.

В первой главе «Русский лес» автор знакомит читателя с Артуром, Арнольдом и Сэмом. Вначале складывается впечатление, что это обычные люди. Но вот фраза Артура «*Считайте, тут то же самое, только несколько больше гемоглобина и глюкозы. Ну и витаминов, конечно, – корм тут хороший, фрукты, виноград*» и далее: Сэм «*уверенным спортивным движением... вскочил на перила балкона и сел, свесив в пустоту ноги*» – тут же понимаешь, что речь идет, скорее всего, не о людях. Затем В. Пелевин пишет следующее: если бы читатель «*обладал нечеловечески острым зрением, то смог бы разглядеть вдалеке трех комаров, улетающих в сторону скрытого за деревьями поселка*». Москит Сэм прилетел в Россию, чтобы *брать пробу* [7, с. 9 – 12].

Историю о комарах автор продолжает уже в пятой главе «Третий Рим». Здесь герои знакомятся с мухой Наташей: «*Муха была совсем юной – ее упругая кожа весело сверкала под солнцем... Глаза у нее тоже были зелеными и глядели немного исподлобья, а со лба на них падала длинная темная челка, из-за которой муха казалась даже моложе, чем была, и производила впечатление школьницы, нарядившейся в платье старшей сестры*» (Там же, с. 73). В тринадцатой главе «Три чувства молодой матери» В. Пелевин рассказывает о том, как Наташа стала мухой, ведь ее мать Марина (о которой автор повествует в третьей и шестой главах) – муравьица. Марина научила дочь играть на баяне, мечтала о ее карьере артистки. Но шли дни, и Наташа завела с матерью разговор о том, кто лучше живет – муравьи или мухи:

«– Мухи-то лучше, – ответила Марина, – но до поры до времени.

– А после поры да времени?

– Ну как тебе сказать, – задумалась Марина. – Жизнь у них, конечно, неплохая, но

очень неосновательная и, главное, без всякой уверенности в будущем.

– А у тебя она есть?

– У меня? Конечно. Куда я отсюда денусь?» [7, с. 214].

Но Наташа не хочет, как мать, оставаться под землей. Проснувшись на следующий день, Марина «*...рассмотрела висящий под потолком небольшой серебристый кокон, состоящий, как ей показалось, из множества рядов тонких шелковых нитей*» – Наташа «*окуклилась*». На следующее утро Наташа «*разорвала стенку кокона, и вместо скромного муравьиного тельца с четырьмя длинными крыльями Марина увидела типичную молодую муху...*» (Там же, с. 216 – 217). Итак, о Наташе-мухе мы впервые узнаем из пятой главы, но только в тринадцатой главе В. Пелевин рассказывает, как она стала мухой.

Таким образом, у В. Пелевина мы наблюдаем более сложное описание событий, нежели у Л. Улицкой. Несмотря на то, что порой в процессе чтения «Жизни насекомых» мысль читателя просто теряется, все части, из которых состоит это произведение, объединены общими героями, общими событиями и сохраняют связность художественного текста. В данном произведении основной текстообразующей связью является тематический повтор, при помощи которого слова, относящиеся к одной тематической группе, образуют единую функционально-текстовую парадигму слов, выполняющих общую текстовую функцию.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю. Н. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981.
3. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе. М., 1998.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. №2103 «Иностранные языки». М. : Провещение, 1988.
5. Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа : учеб. для филол. спец. вузов. М. : Изд-во «Ось – 89», 1999.
7. Пелевин В.О. Жизнь насекомых. М. : Вагриус, 2000. 240 с.
8. Улицкая Л.Е. Цю-юрих : роман, рассказы. М. : Эксмо, 2007. 368 с.
9. Черняк М.А. Современная русская литература (10 – 11-й классы) : учеб.-метод. материалы. М. : Эксмо, 2007. 320 с.

10. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие. М. : Приор-издат, 2003. 160 с.

Text forming logical and semantic relations of the Russian modern narrative text

There are revealed the text forming logical and semantic relations of the Russian modern narrative text by the example of the novel by L.Oulitskaya "Medea and Her Children" and the novel by V.Pelevin "Insect Life". The author shares the opinion of L.G.Babenko who suggests marking out contact and distant, full and partial text forming logical and semantic relations. The basic text forming relation in the analysed novels is the thematic repeat that helps the words from one thematic group to form an integrated functional and textual word paradigm.

Key words: *text coherence, text forming logical and semantic relations, thematic repeat, coherence, subtext.*

Р.Ш. ШАГЕЕВ
(Альметьевск)

НАЗВАНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ КАК ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Раскрываются особенности микропонима в процессе формирования мировидения, отличающегося от мировидения других народов. Микропонимы, отражающие практическую деятельность людей конкретного региона, представлены как составляющие национальную языковую картину мира.

Ключевые слова: *микропоним, действительность, национальное мироощущение, природные богатства, родной язык, картина мира.*

Проблема отображения в сознании человека картины окружающего мира, фиксируемой языком, стала одной из главных проблем лингвистики. Языковая картина мира строится на изучении представлений человека о мире. Как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, «это совокупность зафиксированных в единицах

языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков, – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [10].

Такой подход открывает новые перспективы в исследовании имен собственных. Исследователями ономастики справедливо отмечено, что «следует воспринимать онимию (ономастикон) как культурный своеобразный текст, в котором исследователь “вычитывает” картину мира по ее следам – онимам» [5, с. 99]. Названия мелких географических объектов – микропонимы – являются важнейшими памятниками истории, языка конкретного региона и требуют бережного отношения, сохранения, научного исследования. В названиях рек, гор, урочищ и других объектов зафиксированы этапы заселения региона, освоение его природных богатств человеком, отражены памятные события, имена жителей этого края. Красноречивые свидетели прошлого – географические названия – занимают не только почетное место среди самых драгоценных исторических памятников как живое эхо отдаленных времен, но и создают национальную языковую картину конкретного региона.

Составляющими национальной языковой картины мира, играющими важную роль в восприятии действительности, являются не только традиции, обычаи, верования, суеверия народов, но и микропонимы, отражающие практическую деятельность людей отдельного региона. Более того, за некоторыми микропонимами скрываются «уникальные понятия национального мироощущения, которым вообще трудно подобрать точные соответствия в других языках» [11, с. 10]. Национальная языковая картина мира, рисуемая тем или иным языком, связана с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делают окружающую действительность на участке. Они отражают те особенности региона, которые присущи только ему. Например: *Майлы беләк* (букв. «масленая рука», *тат. беләк* – рука от плеча до кисти) (Ленин. р.), *Бакыр базы* (медный погреб) (Альмет. р.), *Дегетле баз* (дегтевый погреб) (Азн. р.) и др. Употребление слова *май* (масло) в значении «нефть» обычно в тюркских названиях нефтяных месторождений. Например, известны месторождения *Майли* (тюрк. «нефтяной») в Северной